

ЛЕСНОВСКОЕ ОЛОЛО

В. Коянто

«Над прахом святынь – мифы,
над прахом мифов – святыни».

Павел Флоренский,
из дневника, 14 ноября 2000 года.

Сон приснился: рокот бубна тревожный, зовущий и знакомая мелодия корякского певца Гавриила Яганова...

Проснулся среди ночи, глянул на часы – 4 еще. И Лесная пошла изнутри больно, напористо... не статьей, которую я уже месяц «мурыжу», гоняя страницу за страницей в мусорную корзину и никак не могу строчку первую, настоящую выдать «на-гора». А тут сон этот, и меня словно током пробило: скорей, пока не остыло, в кабинет, за машинку: планы, мысли, наброски – все перевернулось! В сторону статью, роюсь в дорожных зарисовках, нахожу дневниковые записки разных лет. Теперь уже точно знаю, что не отступлю – со мною так часто бывает.

Там, в Лесной, месяц тому назад состоялась интересная международная научно-практическая конференция на тему «Сохранение и возрождение традиционных обрядовых праздников у береговых коряков (нымыланов)». Я был не только гостем, но и председателем оргкомитета по ее проведению.

Картинки! Картинки! Одна за одной – где чуточку светлости, там щепотку юмора, ко всему душевной доброты и тепла. Может быть и капельку боли, потому как жизнь не такая уж и светлая... И все-таки...

Прихожу на работу и узнаю, что в Лесной в эту ночь сгорели магазин и пекарня... Что это?!

* * *

Народная мудрость гласит: «Наше настоящее – есть продолжение прошлого и начало будущего».

Следуя этой мудрости, я коснусь далекого нашего с вами прошлого, чтобы увидеть теперешнее и заглянуть чуточку в будущее. Каким оно будет, это будущее, покажет время, да и зависеть оно будет от нас самих. Потому и порассуждать после сегодняшней тревожной

ночи мне захотелось не о празднике «Ололо». Об этом празднике было написано столько статей, прозвучали десятки радиопередач, что мне просто неудобно повторяться. Правда, об их художественных и прочих качествах можно было бы и порассуждать.

И рокот бубна, и мелодия Гавриила Яганова во сне не просто явились ко мне, они снова и снова напомнили, что пришли новые времена, и люди, мои земляки, каждый по-своему их воспринимает...

«Иди, Коянто, побудь с ними, поговори, где нужно – подскажи, поддержи. Можно и поплакаться – ведь от высказанной боли всегда становится легче!» – это я услышал в мелодии великого певца, оттуда, сверху.

* * *

- Ололо! Дорогие мои земляки!

- Оча-ча! – отвечаете вы.

Ололо! Очача! – вторим мы все вместе в этот осенний благодарственный праздник в Лесной в новолуние.

Празднующий дом – все село – готовился к «Ололо» заблаговременно: с ранней осени впрок заготовили люди села ягоды всякие: шикшу, морошку, бруснику; засушили кореньев, кипрея. Хозяева нынешнего «Ололо» Наяновы и Белоусовы вдоволь добыли нерпушек и лахтаков: и жирок, и ремни – все есть.

Паланцы – гости, посоветовавшись с лесновцами, пригласили на праздник и горожан, и быстринцев, москвичей и иностранцев – ученых из Германии и Швейцарии. Так нынче модно: гостей повидать и себя показать.

Администрация не поскупилась: два вездехода выделила для поездки. Мы же, оргкомитет, в поисках спонсоров – это тоже теперь модно – особенно не переживали: Север всегда богат на добро, потому мне приятно говорить о людях, об организациях, с настоящей добротой и уважением отнесшихся к просьбе нашей о помощи.

Вот они, наши друзья: «Полукс» – Полукаров Василий Николаевич – президент, «Иянин Кутх» – Михнов Иван Христианович – генеральный директор, «Залив Шелихова» – Бажора Виталий Анатольевич – генеральный директор, «Корякгеологодобыча» – Владимир Александрович Логинов – генеральный директор, теперь – губернатор округа, наши добрые и милые женщины, низкий им поклон: Екатерине Андреевне Белоус, Ольге Дмитриевне Полкановой, Зинаиде Петровне Шевель – бывшей артистке ансамбля «Мэнго», ныне директор магазина.

Лесная – это только начало. Такие встречи в будущем, я думаю, будут и на Карагинской земле, у оленеводов Ачайваяма, в северном селе Слаутное. Верю в это потому, что у нас есть друзья – щедрые спонсоры.

* * *

Перед самым выездом в Лесную нам позвонили: берите обязательно резиновые сапоги – непролазная грязь. Но уже утром 14 октября мы уезжали из Паланы под первый снег. Он валил не переставая аж до самой Лесной. Перед праздником и природа была на нашей стороне: Лесная похорошела, опушилась.

Поклон святыне-горе Камакран. Это традиция. Первый снег легкий, свежий, бодрит. О таком снегопаде охотники говорят: «Хорошая, удачная перенюга нынче будет!». Это нас радует.

Я не охотник, но вспомнил об этом, когда напросился тропить. Идем гуськом след в след. Замечаю, что кто-то уже прошел раньше нас, по морозцу. Шел широко. Кто опередил нас – первым поклонился горе, ощутил запах снега, помолил у Камакрана удачной охоты или рыбалки? – в душе стало как-то даже неловко, что мы – не первые.

Забравшись на вершину, мы убедились, что путник, оставив на священной березе яркий пакетик чая из серии «Голд-Бонд», ушел с горы к реке.

- Удачи тебе, охотник-рыбак!

Екатерина Илларионовна Белоусова подвела нас к этой березе, где каждый из пришедших одарил святое место: кто конфеткой, кто бусинкой, щепоткой чая или пачкой печенья. Так надо, так делали наши предки.

Пристраивая на веточку березы свое подношение, я заметил, что справа от нас на высокой одинокой березе сидит Ворон. Не ворона, а крупный тундровый хозяин – Куйкиняку. Он изредка поворачивал голову в нашу сторону иногда вытягивал шею, наклонял голову в разные стороны, разглядывая каждого из нас. Он не ворчал – не каркал, а покачивал головой.

- Нас приветствует Бог тундры и гор Куйкиняку! – вырвалось у меня из груди, я подозвал Павла – родственника-фотографа: «Снимай, Павлуша! Это история!».

Ворон не улетал, он внимательно следил за нами. Дерево, на котором он сидел, с бархатистыми от снега ветвями, придавало ему особую загадочность, и она сближала нас с птицей. А внизу, откуда

мы поднялись на священную гору, курилась утренними дымками Лесная. Серая на первом снегу, обрамленная кольцом незамерзшей реки, она тоже была загадочной, торжественной и праздничной.

Вдали, вверх по реке, куда ушел первый рыбак-охотник, справа и слева дыбились горы хребта Иннапинэй, они впивались в чистое голубое небо гранеными, чуточку посеребренными первым снегом пиками. В подножье их чернел лес и синяя лента реки завершала эту красоту.

В душе каждый из нас почувствовал особый Дух горы Камакран, ее необыкновенную энергию: все-таки красивый и добрый был обычай у наших предков нарекать горы, холмы, тундру именами почитаемых ими людей. Вот почему и мы с каким-то детским трепетом с вершины Камакрана взираем на всю эту красоту... А рядом Куйкиняку. Его острый глаз внимательно наблюдает за пришедшими, его Душа тоже радуется.

Сколько лет он здесь живет? Наверное, много! Кого из рода Камаков помнит?

Это их владения простирались от большой реки Камчатки до нижней Паланы и далее на Шаманку; от Еловки, что на восточном берегу, до Караныльго и острова Карагинского. Родовые уголья Камаков отмечал в своей книге «Описание земли Камчатки» ученый-путешественник Степан Крашенинников.

О! Богатый был род, многочисленный, сильный и мудрый. Его щупальцы (а «Камак» в переводе – чудовище с большими щупальцами) крепко сжимали тундру и горы, реки и озера.

Мы, очистив душу, отдав дань предкам, спускаемся в село, а Куйкиняку, взмахнув крылами, кружит, провозжая нас, желает нам удачи в проведении конференции.

Моряки

Рано проснулся, хожу по единственной улице села. Морозец бодрит. Навстречу Спиридон Борисович Наянов. Малахай на голове старый, но добротный – износу нет. С узорами из старинного фарфорового крупного бисера, с опушкой россомашьей. Такие малахайи теперь не шьют. Правда, ватник замусоленный, да на ногах сапоги резиновые, не по сезону, сорок-большого размера, клеенные-переклеенные вдоль и поперек. Под мышкой топор...

- Амто, Спиридон Борисович! – бросился я обнимать старика.

- Вохка! Коянто?! – он бросает на землю топор и крепко, руками

«морского волка» прижимает меня к своей груди. По его скуластому, сохранившему морской загар, испещренному ветрами лицу катятся крупные, крупные слезы. Он еще стоек в ногах, широк в плечах и его первый вопрос:

- Как там Кеша? Твой брат Кеша как поживает?

- Кеша? – теперь я уже не прячу от слез глаза, ведь так много времени прошло, а Кешу, брата Кешу еще помнят, – Кеша давно ушел к «верхним людям».

- Ушел?! – как-то по-простому удивляется Спиридон, по-коряжски, – Неужели?!

И мы, не обращая внимания на задиристый утренний мороз, вспоминаем, вспоминаем...

* * *

Спиридон плавал в 60-х годах на знаменитой в ту пору МРС-ке № 116 под командованием не менее именитого капитана-коряка на всю Камчатку из Лесной Петра Яганова. Матросом на этом корабле был Маркел Мохнаткин, впоследствии один из первых артистов ансамбля «Мэнго». И плавали тогда лесновцы в водах Берингова моря. Там и свела судьба брата моего Кешу-рыбака из колхоза имени Бекерева и Спиридона с его друзьями-рыбаками.

- Мы моракаы! (моряки, значит) – гордо били себя в грудь береговые коряки, познавшие рыбацкое дело с детства, плавая по рекам в военные годы на батах и лодках, на байдарках, а в 60-е твердо вступившие на палубы МРС-ок.

Никогда не забуду, как при встрече Кеша вел к себе домой лесновских «мораков», просил мамушку Лелю накрывать стол, и как после первой рюмки рыбаки-моракаы запевали свою любимую песню:

«Не надейся, рыбак, на погоду,
А надейся на парус тугой...
Не надейся на гладкую воду –
Острый камень лежит под водой.
Мать родная тебя не обманет –
Если манит простор голубой,
Если мать провожает с улыбкой,
То с улыбкой вернешься домой».

Откуда поселилась в их душах эта песня, я не знал, зато видел и слышал, как вместе с нею рвалась их душа, морская душа, туда, где

воздух соленый и волна крутая.

Часто, очень часто в их стройные голоса включался молодой и свежий голос Рудика – младшего моего братишки – капитана катера, и лилась песня.

Нет Кеши, поглотила морская пучина и брата Рудика, и вот в Лесной я встречаю их морского кореша Спиридона Наянова – морака. Моряка!

- Топоришко-то зачем?

- Да дровишки пора готовить надо! – он спохватывается и наклоняется за топором, – совсем забыл про топор-то!

Мимо проходит парнишка, тоже с топором. Спиридон останавливает его:

- Подточить надо, заходи! Собираемся там, за горой! – и ко мне, извиняясь как бы:

- Вот первый снежок. На санках теперь возим дровишки. Правда, остались кое у кого собацки, мало – четыре-пять. Сильно дорого держать...

Замечаю, что у второго подъезда «белого дома» хозяйюшка-корячка доит корову.

- А ты, Спиридон, живность какую-нибудь имеешь?

- Теперь нет! Недавно была коровка. Хорошая. Молока много давала. И детям, и внукам хватало, людям тоже давали...

- А почему была? – ловлю я его на слове.

- Это?! – Спиридон отвернулся, махнул рукой и, сдерживая волнение, как-то негромко, почти шепотом сказал:

- Да хулиганы какие-то перебили ей хребет жердями... Хорошая была коровка, правда... Теперь дорого все, не купишь!...

- О-о-о! Откуда у людей, моих земляков такая жестокость! Время, что ты делаешь с нами?!

Из дневника:

Как-то вечером по окружному телевидению показывали картинки из жизни буренок в бывшем совхозе «Паланский» (теперь ферма – собственность коммунхоза). После этой передачи я долго приходил в себя: и днем, и ночью мне мерещились худые, грязные, сгорбленные коровенки, которые лежа, в декабрьскую сорокоградусную стужу «лакомились» мерзлыми ветками тальника и кедрача. У них не было сил даже повернуть голову, не только встать. А одна телилась,

помирая вместе с невылезшим теленком. И все снималось на пленку, диктор грозился, что этим делом займутся правоохранительные органы... С осени было 80 буренок, к декабрю – 30 осталось и те... А рядом вице-губернатор округа сидит на высоком пне, то ли от горя закоченел, то ли от мороза...

А ведь Лесная-то рядом, хорошие там есть хозяева... Нет же!

Посадить бы на эти острые и мерзлые палки голой задницей в сорокоградусный мороз всех тех, от кого зависела жизнь несчастных коров!

Послесловие: Угробили ферму в Палане...

* * *

- Ничего, Коянто! Мы всегда немножко терпеливые, но... – он показывает огромный морской кулак, – мы еще сильные! Как говорил твой брат Кеша: «Мы – моракы!». – А потом так по-отцовски: – Приходи завтра к нам на Ололо. Мы с Михаилом на пару будем его проводить. Надо поддерживать друг друга! Время, Вокха, совсем другое!

* * *

Михаил Иннокентьевич Белоусов тоже бывший моряк, когда-то капитан рыболовного судна, теперь береговой рыбак, хотя и на пенсии давно. В начале 60-х он один из первых корякских юношей закончил «мореходку» в Петропавловске.

В книге «Богат и красив Камчатский край», написанной в 1962 году Константином Евгеньевичем Есауленко – председателем Камчатского облисполкома и депутатом Верховного Совета РСФСР, есть чудесная фотография молодого корякского штурмана Михаила Белоусова... Прошло с тех пор более сорока лет, а он такой же симпатичный, с доброй, красивой, чуточку хитровой улыбкой. Он и теперь молод душой, быстрый в делах, умный в советах...

Приглашать на семейное «Ололо» участников конференции он пришел со своим другом Спиридоном:

- Дорогие гости! – обратился он к нам, – в этом году я, наверное, в последний раз буду проводить «Ололо». Сами понимаете: немножко стар стал, а еще – трудновато. Сами знаете, что этот праздник семейный, но по традиции на него приходит все село. Туговато приходится!

И вдруг они вместе со Спиридоном, взявшись за руки, встали и на весь зал:

- Ололо! Ололо!

- Оча-ча! Оча-ча! – скандировал и зал. Два моряка, морская дружба, морская душа – лесновская закалка...

О лесновской закалке мы еще поговорим, а вот на хорошем семейном празднике «Ололо» мы снова спели любимую песню «мораков», вспомнили и море, и друзей, и молодость:

Мать родная тебя не обманет,
Не обманет простор голубой,
Если мать провожает с улыбкой,
То с улыбкой вернешься домой.

* * *

Ох уж эти «белые дома»!

Раньше знали один только такой дом, американский, но во время правления в России Соломенцева в Москве отгрохали великолепное сооружение – Дом Правительства. Не знаю, кому пришло в голову и этот дом назвать «Белым». И уж потом, когда первый президент России произнес свою историческую фразу, что, мол, «глотайте, сколько проглотите!», в провинциях наших, то бишь, в губерниях по нынешним понятиям, лучшие дворцы, сооруженные еще во времена советские, стали именоваться не иначе, как «белые дома», где восседают губернаторы.

У нас всегда так: если не красное, то обязательно – черное или белое, не можем без «марания».

И в Лесной – береговом, далеком корякском селении есть настоящий «белый дом», я узнал о нем от тамошних ребятишек.

Сойдя поздним вечером с вездехода, мы окунулись в снежную круговерть: снег нас всех уравнил: шапки белые, шубки белые, разводили нас лесновцы по белым от снега домам...

Александра Трифонова Уркачан – организатор встреч, предупредила меня, что я буду жить в «белом доме». Ребятишки, окружившие нас, в один голос: «А мы знаем, где «белый дом»! Там директор Светлана Николаевна живет! А мы знаем!».

- Так, с ватагой ребятишек я очутился в «белом доме». Правда, вечером, в суматохе, да еще при сильном снегопаде, ничего белого, кроме снега, я не увидел: обычные темные двенадцатиквартирные дома.

Поселили меня в квартире молодой учительницы Татьяны Ягановой – сестры художника Геннадия Яганова. Хозяюшка, чтобы не

стеснять меня, к брату перешла, вниз, на первый этаж в этом же доме.

А я знакомлюсь с квартирой. Чистая, светлая, главное – теплая, однокомнатная. На кухне (это сразу бросилось в глаза) на столе стояла тарелка с нарезанными кетовыми пупочками, рядом отварной картофель и еще не остывшие коряжские румяные лепешки из пресного теста. Я окунулся в детство, родное детство, словно перевернул очередную страницу моей будущей записи в дневник.

Таня принесла чистую постель: простыни, наволочку, новое пуховое одеяло:

- Чтобы не замерзли ночью...

- О! Люблю тепло! – обрадовался я пуховичку, отложил в сторонку постельное белье, привезенное из дома, незаметно, чтобы не обидеть хозяйку. Дело в том, что перед поездкой нас предупредили: «Не забудьте захватить постельное белье. Время понимаете какое».

Вероятно, устроители праздничных мероприятий не учли лесновское гостеприимство. Да и сам я подзабыл, как в далеком 60-ом мы отрядом молодых парней и девушек шли из Оссоры в Палану на лыжах в честь 30-летия округа. Как нас тогда встречали лесновцы: отпаивали свежим молоком, обкармливали сметаной, парили в бане, приглашали на чай в каждый дом.

Или в далеком 63-м, когда мы с Христофором Ягановым весной кочевали в предгорьях хребта Инапинэй, в верховьях правой реки Лесная, месили воду со снегом, открывали звезды на небе в ожидании наста и искали оленные табуны:

А звезд все нет!

И наста нет!

Это тогда родился цикл стихов «Откройте, звезды».

Благодарные лесновцы снарядили меня в дальнюю дорогу упряжкой собак, кукулем, меховой одеждой и верным спутником-проводником Христофором. Сколько песен мы перепели тогда в лесновской тундре. У проводника хороший басочек прорезался, а я – тенорком.

И вот, в преддверии 70-летия округа я снова в Лесной, и не где-нибудь, а в «белом доме»... Прием, как «в верхах» говорят, на высшем уровне.

А что дом действительно белый, я мог убедиться на следующее утро, когда встретил Спиридона. Белый, да еще с красными наличниками и большими балконами. По лесновским меркам. Внутри его

еще витал запах свежей краски, сам же он на чистом снегу, – как лебедушка из лубочной картинки.

Подумалось мне: вот бы почаще строили такие белые дома для учителей, врачей, вообще для рабочего люда...

Антониныны слезы

Я всегда с большим уважением отношусь к тем людям, которые не ищут особых благ для своей жизни где-то на стороне, вдали от родной земли, Родины. Не бегут, как говорит народная мудрость, за водой в далекую мутную и тухлую лужу, когда рядом с горы бьет чистый родник. Таких людей много на нашей суровой земле.

Родина! Родник! Родная мама! Родники-земляки. Почему-то так уж повелось в Корякии – прежде чем довериться тебе, за кружкой душистого чая тебя обязательно спросят: «Чей ты?».

Услышав ответ, обязательно найдут в роду твоих предков маленькую родинку – ты станешь брательником, пельменником, наконец – приятелем на всю жизнь.

Помню, как я удивлялся Сереже Кевевтегину, когда он, возвращаясь из какой-нибудь поездки по тундре, привозил группу участников самодеятельности и непременно подводил ко мне бабушку или тетушку, молодую девушку и представлял:

- Это, Коянто, моя родная бабушка! А это самая любимая тетушка! А вот эта – тоже внучка моего дедушки.

Вся Корякия – родня, живем на одной земле, пьем из одного родника...

«Антониныны слезы» – назвал эту зарисовку, хотел бы добавить «горькие» слезы, но передумал. А пока:

Вышла Антонина Николаевна делать сообщение о своем земляке, поэте Иннокентии Яганове, заволновалась вдруг, зашарила по карманам, отвернулась, плечи задрожали. Но, пересилив себя, она обратилась к залу, ко всем нам:

- Хочу прежде рассказать, как мы тут жили-перебывались последние два года! – не выдержала и разрыдалась.

А меня вдруг понесло в далекую-далекую годину, словно я очутился на какой-то давнишней партийной или комсомольской конференции, в те уже почти забытые времена, когда многие из нас, интеллигентных представителей коренных жителей, не по велению сердца и разума, а по воле свыше, как правило, начинали свои выступления с избитых фраз: «Как жили раньше и живем теперь?».

Нет, не от рабского холоу́йства произносились эти слова, северяне, как никто другой, искренне верили Советской власти. Но теперь старое порушено, ушло в прошлое, верим – навсегда. Почему же и я, и все участники конференции, и гости – так внимательно слушаем Антонину Николаевну и сопереживаем вместе с ней?

- Те прошедшие два года – что-то страшное было, кошмар какой-то. Старики говорили, что во времена войны было лучше. А тут мы ходили друг к другу за горсткой крупы, шарили в сараях в поисках щепотки соли... В магазинах пусто – в доме не густо, холодно и голодно, да еще и без света и хлеба.

Во многих семьях не было даже соленой рыбы – не на что было купить соль. Делились всем, чем могли.

Правда, у многих родственники в Палане и городе, но мы-то хорошо знали, что и там плохо. Новое слово появилось – безработица...

Теперь, кажется, все есть: и свет, и тепло, и продукты. Вот и клуб этот заработал, и моя библиотека... Правда, надолго ли? Поймите меня правильно – я не жалуясь. Просто хочу сказать, что прошедшая беда сплотила нас, мы стали сильнее и дружнее. Мы очень часто видим виновных на стороне, почему-то все виноваты, только не мы. Теперь понимаем – так не бывает. Беда стала нашим зеркалом. Ушла она и мы стали другими. Теперь говорим спасибо Валентине Тадеевне – нашему губернатору, «Полуксу», всем моим землякам спасибо! – она отвернулась, вытерла слезы. Вот почему в начале своей зарисовки не добавил я «горькие слезы», потому что это были слезы очищения души. Она не возводила ни на кого хулу, просто дала понять, что не та уже Россия, не советская, а Корякия – Россия, и выживать в ней надо самим, дружно, у родного очага.

А судьбу родного очага Антонина Николаевна знала не понаслышке. Окончив в 1967 году библиотечный техникум, вернулась в родное село. Колхоз, отделение совхоза, госпромхоз; огромные стада оленей, морские корабли, ферма крупного рогатого скота, звероферма; оленеводы, рыбаки, полеводы, именитые охотники – гордость Лесной.

Молодая, энергичная, вездесущая, она всегда была в гуще жизни: не умела гнущься перед начальством, не кичилась перед земляками, она просто училась жить по совести. Проблемы жизни своих земляков понимала, потому и выдвигали ее лесновцы в Совет на многие годы.

Но время жестокое. В стране эксперименты с селами – перспективными и неперспективными, в стране укрепляют и разукрепляют.

Сначала не стало в Лесной колхоза, потом отделения совхоза, недолго жил и госпромхоз. Исчезли олени, закрылись фермы, увели корабли, отобрали охотничьи и рыболовные участки и, наконец, – Лесная – неперспективное село – ЗАКРЫТЬ!

Кто-то пытался как-то выживать, поднимая голос, но таким предлагали дорогу на все четыре стороны. А это значит – навсегда лишиться отеческого уголка.

Не затерялась Антонина Николаевна в этой кутерьме, она снова на прежней работе, в библиотеке и идут к ней люди не только за книгой. В уютном уголке, за кружкой чая посидеть, поговорить, излить свои печали. Шефы ООО «Полукс» капитально отремонтировали старое здание. Не нарадуются лесновцы.

Таких, как Антонина Николаевна, в Лесной много, с них я и начинал свои записки. Им не нужна тухлая лужа, когда рядом родничок – в Лесной их корни. Они на этой земле жили, живут и будут жить и радостями, и печальями.

Часто, анализируя теперешнюю жизнь северян, я ловлю себя на мысли, что цивилизация, о которой мы безудержно твердили много десятков советских лет подряд, канула в лету, и началась изнурительная и долгая борьба за выживание. Лесная заставила меня усомниться в этом.

С новыми временами в России, а Корякия неотъемлемая часть ее, грядет новое поколение северян, чтивших предков, сохраняя все лучшее, что создали они.

Я абсолютно уверен, что они никогда не пойдут за так называемыми «гуманитарными интеллигентами-кукушками», как ни странно, выходцами из северян, наловчившихся использовать чужие гнезда в областных и столичных городах и оттуда кукующих снова вернуться к родовым общинам, к жирникам и кишлэутам, нерпичьему жиру и каменным светильникам...

К «бабушкиным сказкам» призывают они вернуться, только к сказкам на новый лад: «Нам в столичном доме – лампочку Ильича, вам в тундре – дедовский жирник! Мы тут, в столице, «играем в дуду» – издаем законы, вы там, в тундре, пляшете под эту дуду от холода и голода в темную ночь (благо, плясать еще не разучились).

Все это уже проходили и десять, и двадцать лет назад. Только кушать и жить все хотят по-человечески, а не по-кукушечьи.

Об этих сказках и рассказывала со слезами Антонина Николаевна, угощая меня юколкой и жирком, об этом поведала всем участникам конференции, заявляя:

- Мы-то знаем теперь, что выживать надо самим, а не ждать, пока какой-то столичный земляк-кукушонок в канун очередных выборов нагрянет агитировать за чужестранца и не бросит им в лицо: «Голосуйте, необразованные папуасы!».

- Вот только кто из нас папуас? – смеялись в прошедшие выборы лесновцы, а с ними и Антонина Николаевна, – нам это слово неведомо, а вот кукушка? Много раз слушали такую. Корякия – наше гнездо, дайте нам только опериться! Кукушкам в нем места нет! – хорошие слова сказала Антонина Николаевна, а потом, немного помолчав, с гордостью объявила:

- И наш ручей питает реку! Тема моего доклада – стихи и песни Иннокентия Яганова – нашего земляка.

Ее рассказ я продолжу очерком о моем друге, написанном много лет назад, в одну из командировок в Лесную.

Тропами друга

Меня часто манят дороги, зовут олени тропы. Вот почему и теперь, укладывая в свой дорожный имит вещи, я мысленно здороваюсь со своим новым знакомым. Так всегда было и есть.

«Искры, дарящие радость» – назвал я свою книгу о людях нашего округа. Это люди, дарящие радость: песни и танцы, легенды и сказки, люди, делающие нашу жизнь еще краше, полнее. Без них она была бы гораздо скуднее и неинтересней.

«Тропами друга» – одна из глав этой книги. Это рассказ о моем друге, корякском поэте Иннокентии Яганове. В декабре 1979 года ему исполнилось бы пятьдесят.

Ягановых в Корякии много. Есть охотники, рыбаки, оленеводы, врачи, учителя, артисты. Например, Даниил Яганов, о котором я уже писал. Есть у меня и стихотворные строки о знаменитом корякском певце-бубнисте Гаврииле Яганове:

Корякский бубен,
Как тундра, чист,
Звонок, как эхо в горах.
Но если поет Гавриил-бубнист,
Слушает вся Карага.

Иннокентий Яганов! Листаю свои майские дневники за 1964 год.

...Третий день в пути. Какая теперь езда, удивятся многие. Но мы едем на собачьих упряжках. Днем греемся на какой-нибудь проталине, а ночью продолжаем путь и просим темное небо открыть нам звезды и подарить хороший наст. Нас пятеро: четыре колхозника из центральной усадьбы колхоза «Путь Ильича» и я. Колхозники – мои путники, едут в верховья реки Лесная делать баты, я – на родину поэта. Отдыхаем, греемся на солнце, как нерпушки, опрастывая чайник за чайником, и мечтаем о настe.

Третий Лесновский перевал. И это дерево, перед которым мы расположились на ночлег, и дорога – все так знакомо, словно не один раз проходил и мой путь по этим местам.

Да, знакомо! Здесь ходил Кеша Яганов, наш друг и поэт. Я смотрю на березку, которая так приветливо склонила надо мной тяжелые от набухающих почек ветви, и думаю: «Не под этим ли деревом писал свои стихи и зарисовки Иннокентий? Не тот ли тополь, что стоит за ручьем, отвернувшись от нас, был назван Кешей эгоистом? Здесь, на перевале, все говорит о нем. Иннокентий, как и все люди тундры, любил свою родину, природу. Он писал: «Люди говорят, что злыми и добрыми могут быть только люди и животные. А вот и нет. Среди деревьев, представьте, встречаются тоже и злые, и добрые, веселые и грустные, щедрые и эгоисты-себялюбцы.

Люблю лес! С его шорохом, изумительным запахом. Едешь по дороге. Молодая березка своими влажными, нежными ветками, словно любимая девушка, погладит тебя по щеке. На сердце радостно. Или не успеешь оглянуться, хлестнет тебя по руке какая-нибудь другая ветка, озорная, игривая. Попытаешься поймать ее, а она уже далеко в стороне. Улыбнешься да погрозишь ей пальцем. Живет своей жизнью знакомый березняк. Со своими радостями и огорчениями. Многие деревья своим характером, поведением очень напоминают некоторых наших людей. У них есть что-то общее».

Вот еще одна зарисовка. Здесь и юмор, и горечь, и зоркость поэта. Он умел видеть больше, чем другие: «Какая изумительная, красивая, стройная, гибкая березка стояла на полянке! Любуясь ею, всякий думал: «Эх, посадить бы ее около дома. Какое загляденье!». Вокруг нее ютились молоденькие стройные тополя с пушистыми кронами да бледнолицые тальники. Каждый из них надеялся, что именно к его кроне навечно склонится милая березка. Чтобы вместе

поддерживать друг друга, переносить всякие бури и невзгоды... И вот молодая березка наклоняется к одному дереву, о чем-то шепчется с ним, потом, смотришь, она уже кокетничает с другим. И никому предпочтения. А время шло. Однажды разыгралась непогода – долго бушевала буря. Крепко досталось моему любимому березняку. Проезжая место, где росла березка, я так и ахнул: она лежала на земле, сломленная сильным ветром! Бедная, бедная! Во время бури она, конечно, наклонялась то к одному, то к другому деревцу, ища поддержки. А эти молодые тополя и тальники решили, видно, отплатить березке за ее непостоянство. И, не найдя опоры, обессилевшая, надломилась и упала она на землю. И лежит она теперь никому не нужная. Ни сделать из нее полозья для оленьих нарт, ни развести костра. Да, легкомыслие, как у этой березки, иногда встречаешь даже у людей».

Я читаю его стихи и представляю заиндеветших псов, везущих его по этой дороге. Читаю стихи его моим путникам. Странно как-то: все четверо очень хорошо знают Иннокентия как человека, но никто из четырех не слышал о нем как о поэте. И здесь, на небольшой, залитой солнцем поляне, они открывают его впервые для себя, чтобы потом рассказать о нем людям, своим землякам. Читаю. Спутники слушают внимательно. Вообще мои земляки умеют не только хорошо рассказывать, но они великолепные слушатели: внимательны и доброжелательны. Уж очень им нравится стихотворение Кеши «Охота на лису».

С этого стихотворения начались наше знакомство и большая дружба. 1957 год. Первый Камчатский фестиваль самодеятельного искусства. На театральной площади города Петропавловска выступает первый поэт Корякии Иннокентий Яганов. Свои стихи он умел читать по-особому, по-ягановски: с акцентом, озорно, четко. Ему аплодировали, его просили читать еще и еще. И он читал. Читал «Цветок», «Моя работа», «Охота на лисицу», «Птичка».

- Еще почитай про лисиц! – просит мой каюр Умье Кихляп, и я читаю:

Я недавно у лесочка –
 Встретил рыжую лису,
 Поскорей двустволку в руки –
 Потихонечку ползу.
 Подползаю, подползаю,
 А она лежит и спит.

- Не уйдешь ты, если только
 Палец мой не задрожит.
 А в душе воображенье:
 Застрелил, несую домой!
 И любимая Иринка
 Пляшет, машет мне рукой!
 - Бах! И вижу: что за чудо?!
 Упустил добычу я –
 По кустам быстрее звука
 Мчится лисонька моя.

Никогда не забыть еще один день, памятный для нас обоих. День, когда нас с ним принимали в Камчатское литературное объединение. На заседании объединения Георгий Иванович Панкратов – председатель – вручал Иннокентию Яганову диплом первой степени за чтение собственных стихотворений. Тогда Иннокентий Яганов вошел в семерку литераторов Камчатки, как признанный корякский поэт. У нас с ним было много встреч и бесед, дружеских и спорных, но всегда понимали друг друга и помогали один другому.

Не думал я тогда, что пройдет немного времени – и мне придется собирать по крупицам его записки, дневники. Конечно, нет. Кеша мечтал о большой, хорошей книге своих стихов, и мы, его товарищи по перу, верили в это. Но трагическая гибель поэта оборвала его мечты.

Из воспоминаний земляка Иннокентия, участника Великой Отечественной войны Корнея Ивановича Яганова, кавалера ордена Славы мы узнаем, что поэт был страстным охотником: смелым, верным. Он и погиб на охоте. Вот что рассказывает Корней Иванович: „На море штормило. Утром я узнал, что Кеша собирается на охоту. Я говорю: «Не рискуй, море штормит, льды гоняет». Было это ранней весной. Кеша ответил русской пословицей: «Волков бояться – в лес не ходить!» Он был такой: если что наметит, то обязательно доведет до конца. И честный был. Собрался он, значит, и поехал. Я предчувствовал что-то недоброе. Уж больно сильно волновалось море. Да и чайки с моря все улетели в устье реки. К вечеру я запрягаю собак и еду на устье. Со мной два парня молодые. На устье встретил Кешу. Он выбрал опасное место. Я его предупредил. Но, увлекшись охотой, Кеша не заметил, как льдина на которой он устроился, обломилась и перевернулась. Кеша плавать не умел. Он, правда, держался на воде. Но, наверно, сердце не выдержало. Когда я его достал, он был

мертв. Так трагически-случайно на охоте он и погиб. Я обращаюсь к молодым: учитесь жить так, как жил наш земляк Кеша Яганов. Он был честным, трудолюбивым, никогда не зазнавался.

Сегодня я иду по тропе, где не один раз проходил и проезжал Иннокентий Яганов, иду и словно читаю последнюю записную книжку поэта «Край Камчатский, край любимый».

Я иду к матери поэта, Дарье Васильевне. И здесь, отдавшись самым непосредственным впечатлениям, мне хочется сидеть и говорить с этой простой женщиной-корячкой, матерью Кеша. Ровно год, как погиб ее сын. Дарья Васильевна показывает фотографии сына, вытаскивает из-под кровати баян. (Кеша учился играть на нем.) Ведь в ту пору в Лесной не было баяниста, а Кеша, неутомимый председатель сельского Совета, решил сам во чтобы то ни стало научиться играть. И, как говорят односельчане, на танцах у него получалось. Дарья Васильевна осторожно выносит небольшой ящичек, перевязанный тесьмой:

- Еще книжки, документы...

Два диплома Камчатского фестиваля за исполнение своих стихов. Удостоверение депутата сельского Совета (он вел большую общественную работу), справки об образовании. В год гибели Иннокентий окончил восемь классов. В справке, выданной директором на его имя, вы не найдете ни одной тройки. Он учился на «хорошо» и «отлично».

- Особенно, – вспоминают учителя, – он любил литературу и историю, увлекался химией и физикой. По этим предметам у него самые высокие оценки. Ведь недаром Кеша увлекался радиотехникой и долгое время работал на радиоузле. Листая дневники, я нахожу стихотворение о его работе:

Прямо скажу,
Ничего не тая:
Нравится очень
Работа моя.
Утром приду,
Аппараты включаю,
Песней чудесной
Свой день начинаю.
Песня в эфире,
И весь мой народ
С гимном советским
Бодро встает.

Пусть до Москвы
 Путь далек, – сквозь леса
 Кремлевских курантов
 Слышны голоса!

Я читаю его дневники и записные книжки, и как будто не они, а сам поэт разговаривает со мной. Вот маленькая тетрадь в синей обложке. Это его последний доклад о Международном дне 1-го мая. Он говорит об успехах односельчан, говорит и о недостатках. Он работал в колхозе, любил его, он имел право говорить от имени своих земляков.

Дневники! Как много они могут рассказать о человеке. Я сам всю свою сознательную жизнь веду дневники. Они помогают мне. Пожалуй, без них не было бы этой памятной статьи.

Кеша доверял дневникам все: и самое радостное, и самое горестное.

Я позволю себе смелость заглянуть в дневники поэта и привести в своих записках кое-какие выдержки. Они многое дополняют ко всему сказанному.

«1 января 1963 года. Есть что вспомнить. Было все: и хорошее, и плохое. Самое светлое, запоминающееся на всю жизнь – стал членом Коммунистической партии Советского Союза, партии Ленина. Самое плохое – мало еще пишу, сочиняю, работаю над собой».

Вот так поэт относился к собственному «я». Он прежде всего спрашивал с себя, а потом с других. Об этом говорит другая запись: «21 января. Проводил гонки на собаках и оленях, потом соревнование по стрельбе, участвовало 28 человек. Вот не знал, что есть у нас и плохие стрелки, хотя и числятся охотниками. А охотник должен быть метким стрелком! Не правда ли? Вот они плохие стрелки: Яганов И. Д., Попов С. И., Яганов Н. Г. Надо бы их поучить как следует!»

И Иннокентий Яганов учит молодежь, как надо стрелять.

В дневниках много строк о любви. Кеша, как и все люди, любил. Сейчас, когда я просматриваю дневники, со мной рядом сидит мальчик, очень похожий на Кешу. Ему шесть лет, звать Володя. Это сын поэта. Он живет с бабушкой. Стихи о любви поэт посвящал жене, которую любил.

Живя в национальном селе, поэт не мог не видеть те социальные перемены, которые происходили на его глазах: – село хорошело

с каждым годом, зажиточнее стали жить его земляки. Его, как поэта и депутата, интересовали разные вопросы: строится ли школа, открылся ли вечерний класс для рабочей молодежи, подвезли ли дрова к библиотеке и клубу. Ох и доставалось от него нерадивым хозяйственникам. Острый глаз поэта подмечал все, что мешало жить, и тут же вечером, перед кино или на собрании, он читал сатирические стихи или пел частушки. Односельчане любили его, нерадивые работники – боялись.

Говоря о жизни и творчестве, мне хочется рассказать еще об одном увлечении поэта, которое, как и поэзия, было его постоянным спутником. Мама Кеши показала несколько альбомов с фотографиями. Здесь лучшие люди села и района, неповторимые снимки камчатской природы. Иннокентий мог точно чувствовать красоту своей родины. Ведь недаром на районном смотре в честь 30-летия округа он получил первую премию за свои снимки о людях округа. Глядя на жизнь глазами поэта, он воспроизводил ее в снимках, как художник.

Вечерело... Я попросил у Дарьи Васильевны записные книжки и дневники, чтобы вечером на встрече с жителями села подробнее рассказать землякам Иннокентия Яганова о его творчестве.

Клубный зал был переполнен: и молодежь, и старики пришли слушать беседу «О современной литературе и песенно-танцевальном творчестве корякского народа».

Я говорил о многих авторах-коряках, о новых танцах и песнях, но когда перешел к рассказу о творчестве Кеши, – стал читать его стихи, зал буквально замер – ведь многие знали и любили его простые, доходчивые стихи.

И я был рад, что мне выпало большое счастье знакомить их с творчеством своего друга, их земляка.

В декабре прошлого года я побывал снова в Лесной на 50-летие со дня рождения Иннокентия Яганова. Земляк поэта Геннадий Яганов нарисовал большой портрет, жители села и школьники, и взрослые разучили песни и стихи Иннокентия. Участники художественной самодеятельности подготовили большой концерт. Много хороших и добрых слов было сказано на этом вечере.

Стихи поэта, его добрая улыбка были в этот памятный декабрьский вечер моими спутниками.

Память о первом корякском поэте будет жить вечно!

А машинка–то все строчит...

«А машинка-то строчит, все строчит, а Марина-то все шьет да шьет!». Длинноватое название для такой маленькой зарисовки, оставил все-таки... Пусть читатель мой сам домысливает, договаривает, дорисовывает, в конце концов, дополняет сказанное, так, глядишь, и мне легче будет. Оставил.

Перебирал как-то свою картотеку, наткнулся на интересный афоризм известного историка конца 19 – начала 20 веков Василия Ключевского: «Поколение спит на краю бездны; жаль, что оно исчезнет, не дав урока преемникам – сорвется и разобьется раньше, чем проснется!».

А машинка-то строчит, все строчит, а Марина все шьет да шьет, и идет в клубе, продолжается вот уже третий день конференция международная. За сценой, утопая в ворохе материала, сидит полная, миловидная женщина и крутит машинку – шьет занавес для сцены.

Я видел, как она, прямо с вездехода, засучив рукава, заставила всех работников клуба скоблить, мыть, подметать – ведь гости приехали со всей области, из-за границы: «Только бы не ударить «в грязь лицом»!

Не ударила Марина Владимировна Волкова – заведующая отделом культуры Тигильского района, «в грязь лицом», а помыла и пошила, и пожурила так, вроде бы, по-матерински, как говорится, подставила свою широкую спину под удары, защищая... лодырей.

В памяти всплыла картинка из далекой студенческой жизни в Ленинграде: вспомнил я двух очень дорогих для меня и многих северян от Кольского полуострова до Корякии людей – Михаила Григорьевича Воскобойникова и Гавриила Никандровича Никулина. Первый – декан Северного факультета до ареста в 1953 году по еврейскому вопросу (делу), второй – заведующий Северным факультетом после него.

Как опекали нас при Михаиле Григорьевиче! Не забыть такую сценку, как на 7-й этаж нашего общежития, которое располагалось на улице Желябова, 27, в бывшей гостинице «Медведь», с трудом, опираясь на палочку-трость, почти ежедневно поднималась 70-летняя Мария Кероповна Орбели, чтобы провести с нами дополнительные занятия по математике. Им, т.е. нам так удобно, а каково было пожилому человеку – лифты тогда, в начале 60-ых, не работали. Но прежде чем начинать занятия, она обходила все комнаты своих

подопечных, т.е. нас и интересовалась: не голодны ли, не позвать ли врача и все старалась делать сама. А мы, неблагодарные, все подсмеивались:

- Кери-оповна!

В то время она была нашей Мариной, за спиной которой мы все были как у Христа за пазухой. Мы не возмущались, не понимали, что за благими намерениями доброй бабушки Орбели создавалась, витала атмосфера излишней опеки, которая могла бы обернуться большой бедой. Но тут на смену времени Воскобойникова пришло время Никулина Гавриила Никандровича. Как невзлюбили мы его сначала:

- Палач! Аракчеев! Гавриил – русский матрос! – ворчали мы, привыкшие к исключительному положению. – Мы северяне! Особые люди!

- Не-ет! Вы – как все! Чем вы хуже или лучше других студентов? – настойчиво повторял Гавриил Никандрович. Он первый научил нас натирать мастикой полы в своих комнатах, красить рамы и клеить обои, заботиться друг о друге, не забывать, что рядом такие же парни и девушки...

«Палач», «Матрос Гавриил Никулин», «Аракчеев» впоследствии стал самым добрым, добрым в полном смысле этого слова человеком для северян. Его уже нет в живых, но от Мурманской земли саамов до окраин Чукотки и Корякии имя Гавриила Никандровича Никулина – в сердцах студентов-северян 50-60-ых годов. Они до сих пор продолжают работать, учить уму-разуму нынешнее поколение и не их беда, что впоследствии это равенство в силу многих политических и экономических причин было нарушено.

Северяне всегда были трудолюбивыми: умели пасти оленей, ловить рыбу, охотиться на зверя, научились строить, водить корабли, сажать огороды...

И вдруг, откуда такое: «А машинка-то все строчит, да строчит, а Марина-то все шьет да шьет?!».

На круглом столе конференции, в заключительной ее части не удержался я, упрекнул лесновцев и за машинку, и за Марину, и за многое другое. Подошла ко мне молодая заведующая клубом и тихо сказала:

- Наверное, зря вы нас ругали, Владимир Владимирович, ведь Марина Владимировна сама сказала: «Занавес сама сошью, вы испортите!».

Сколько лет шили, строчили за северян, а теперь вот спохватываемся и сожалеем: «Поколение спит на краю бездны... сорвется и разобьется раньше, чем проснется!».

Лесновские дети

Рано проснулся, вышел на балкон «белого дома» – «концерт» собачий на все село – первый снег их будоражит, в алыки просятся. Ездовые, наверно?

Рань, а напротив, во дворе низенького старенького домика, дымок из которого сизым столбиком валит, резвятся дети: кто бабу снежную катает (снег влажный, мягкий), кто снежками балуется. В сторонке девочка махонькая такая в красно-синем зимнем костюмчике, в валенках на резиновой подошве – вся в «гуманитарке», как и все дети Корякии, и зимой, и летом – все одним цветом. Попробуй, найди своего ребенка.

Сосулькой девочка увлеклась, а хохочет над проказами мальчишек, которые на бородатом козле верхом катаются.

Большой белый козел неразличим на первом снегу, только рога, да черные шикшинки на мордочке. Рога тоже огромные. Первый мальчик оседлал козла, крепко держится за рога, снежная пыль, козел сбрасывает седока, поворачивается на него рогами, готов боднуть, но тут второй мальчик уже на спине у козла, сидит, крепко уцепившись за рога. Теперь не поймешь, то ли козел в снегу кувыркается, то ли мальчик снежным комом катится за ним. Игра для смелых мальчишек. Вот и хохочет малышка.

- Пусть лучше на козле верхом, чем с протянутой рукой возле обшарпанной гостиницы в Палане или у коммерческого магазина, – подумалось мне и я услышал голос паланской детворы: «Дяденька, рубль ешь? А может быть пять?».

Это тоже примета нашего времени, но не лесновская.

Здесь за все три дня я ни разу не видел ребятишек с протянутой рукой. Зато здороваются с тобой в день по несколько раз, как и раньше, в старину – здоровый признак.

А «гуманитарка» напомнила мое военное детство: как-то к нам в Арольман в канун праздника, кажется 8 марта, привезли для детей «американские подарки». Мне попался матросский костюмчик. Уж больно он пахнул.

- Нафталином! – говорила тетя Маруся Коновалова, женский начальник. Мне этот подарок очень нравился, но уж слишком был

красивым. Он так и висел на гвоздике, на стене, а я продолжал ходить в суконных галифе и в такой же суконной тяжелой гимнастерке, подаренной тетей Шурой Тимофеевой – женой начальника заставы. Галифе – штаны с горбылями по бокам. Все пограничники в таких штанах ходили. А мы любили пограничников и подражали им.

В этих галифе в жаркое лето 1950 года я вместе с сестрой Любой поехал учиться в Ленинград. Ну и попотел же там, на материке...

Вместе с матросским костюмчиком мне дали еще и ботинки на толстой кожаной подошве. Скрип этих подошв до сих пор в моих ушах.

Американские подарки и «гуманитарка»?! Но ведь тогда была война!

* * *

Катание верхом на козле, лепка снежных баб из снега, первого снега, веселый смех малышки и, конечно же, санки и лыжи – все это уже позади...

Сегодня мы на уроке родного языка у Светланы Николаевны Наяновой. Тема – животный мир нашего края. Дети умело справляются с заданием Светланы Николаевны. Смело называют зверей, птиц на родном лесновском (карагинском) диалекте. Где живут, как кормятся.

Читают на родном языке стихотворение Кеши Яганова «Пчик’а пилин» – «Птичка».

Ненароком Светлана Николаевна спрашивает у ребят:

- Ребята, где родился наш поэт, где его дом?

Затяжная пауза, потом поднимается мальчик Пикуль:

- Наверное, в Палане он жил. Там и его дом!

Смех...

- Подумайте хорошенько, ребята – ведь он наш земляк!

Другой мальчик тянет руку...

- Скажи, Петя.

- Наверное, вежде он жил! Может в Москве, может в Питере!

А в сельской библиотеке у Антонины Николаевны на видном месте висит портрет Иннокентия Яганова, а над ним: «60 лет нашему земляку – поэту Иннокентию Яганову». Хороший портрет, живой там Кеша, как в жизни, живой...

Мне стало грустно, но я успокоил себя: «Может быть и прав лесновский мальчик Петя, ведь стихи его земляка печатались и в

Палане, и в городе Петропавловске, и в Хабаровске, и даже в Ленинграде! – «Вежде!» – как сказал Петя.

* * *

Лесновские дети, как и все дети – любознательные и неунывающие, совсем не испорченные телеманией, подвижные и смелые. Я верю, у них будет другая жизнь, они дети нового поколения и нового времени. В это время для них дверь в новую жизнь еще не высока, но они пригнутся, если захотят в нее войти, чтобы потом, распрямившись, выбрать свой путь, не забывая при этом своих предков, своего очага.

Зов тундры

О! Ветер мертвых –
 Посланец духов,
 Зачем ты пришел,
 Ненасытное брюхо?
 Ударил зачем
 По яранге Итынно?
 Корякская тундра
 Ждала здесь сына!
 Корякская мать здесь
 Песни пела...
 Любовь и радость
 В яранге звенели!

Совсем неслучайно пришли на память строки из моей давней поэмы «Ыммэ» – «Мама».

Незадолго до поездки в Лесную на конференцию я получил письмо от молодых оленеводов, родственников когда-то именитого оленевода Эвкумье, письмо небольшое, в нем несколько строк, но в них большая боль, трагедия заложена...

«Амто! Мэй!

Вот и пришел для нас конец: последний раз мы сидим у ОЧАГА, который совсем уже не греет – нет мамушки, оленей тоже стало мало. Да и тех, последних, наш «коммерсант» велит забить на мясо. Оттого и сердце сильно болит у нас. Примерно через месяц ОЧАГ угаснет, оленей лишимся и мы покинем землю наших предков навсегда, наверное. Куда нам идти? Совсем не знаем... Пока все!».

А тут словно соль на рану: в Лесной на конференции слово попросил Михаил Григорьевич Яганов – небольшого росточка, сутуловатый, очень подвижный, с хитроватым, но добрым взглядом. Кажется вот: сколько лет живу, кочую по тундре, столько и знаю его. Ведь не изменился совсем. А слова-то какие говорит: боль их выдавила, коль решился просить о главном – о ЖИЗНИ!

- Помогите нам вернуть оленей. Нас совсем немного осталось, но мы сможем еще пожить, поработать, детям нашим оставить отцовское. Я вот три дня вас слушал. Все вы правильные слова говорили о наших обрядах, праздниках, об Ололо! А как же вы будете проводить праздники без нас, главное – без ОЛЕНЕЙ? – И он так же сутулясь сел, сдерживая в себе боль...

Боль тундры, ее людей – это и моя боль; трудности оленеводов Корякии – это и мои трудности, от которых мне до конца жизни, наверное, никуда не уйти. Потому и вылилась она, эта боль, в стихотворение:

Ивану Кихляпу – оленеводу,
артисту, посвящаю

Последнее камлание

Прощаемся!
Мы у последнего костра.
Пылает ярко он,
Нам согревая души...
Уходим мы.
Сегодня до утра
Камланья мамушки
Мы будем слушать...
Потом забьем
Последних двух оленей:
Самца и важенку –
Подарок «верхним людям».
Кто мы?!
Потерянное поколение!
Нас дети наши
Пусть рассудят!
Кто мы?!
Вот я – Кихляп Иван –
Внук именитого

И доброго Эвкумье!
 Когда-то был в артисты зван...
 И шел я в «Мэнго»
 Без раздумья.
 «Бой двух быков!»
 Легенда или быль?
 Сакжоя-дикаря
 Играет Аев Боря,
 Домашний бык – Кихляп! –
 Решает Саша Гиль.
 И я дерусь!
 (С руководителем не спорят).
 Дерусь!
 И падаю сраженный...
 Струится кровь
 По ягельникам-мхам.
 Сакжой,
 Победой окрыленный,
 Уводит важенок к хребтам!

* * *

Какой дикарь теперь
 Терзает наши души!
 И видеть хочет нас
 В чужом гробу?
 Камляет мамушка...
 И догорают туши –
 Уносят в небо
 И судьбу мою!

* * *

И письмо молодых оленеводов, и крик души Михаила Григорьевича заставили меня снова полистать дневниковые записи «Родного ветра», взглянуть на «страницу чудес», «Страну поэзии» моей с высоты теперешнего времени, может быть кое-где повториться, но поразмышлять есть о чем и о ком.

Почти сорок лет скитался я по тундре и горжусь тем, что имел счастье видеть и хорошо знать мудрого Титка – Тита Нутанватовича Тинетегина, веселого Иттека – сына Лелькева, дедушку Ивана Семенича Коммо, именитого гонщика Василия Иныхлута – дедушку

Сережи Кевевтегина, добрых Александра Кутувье и Николая Коялхота, шутника Михаила Етыльяна, красавца Петра Пепе и многих многих других. Они в памяти моей, они в сердце моем. Общаться с ними было не только интересно, но и прекрасно – с такими человечными, такими мудрыми хозяевами тундры, так много взявшими и ведающими из прошлого своих предков и так много чающими от будущего для своих потомков.

В мою жизнь все они вошли по-разному, но к каждому я стремился как к другу. Вот как, например, вошел в нее Поппен Василий Эльгаевич из Слаутного:

Вышел Поппен наряженный –
Ритмы бубна сильней,
Его танец – бег важеньки,
Песня – сказка о ней.

Листая дневники разных лет, я прихожу к выводу, что биография каждого из них – это наша с вами история, история Корякии, в которой отражена частица нашей великой страны.

Иттек, сын Лелькева, Кулака

Иттек – сын Лелькева, кулака седанкинской тундры. Я узнал об этом из журнала «Север», издававшегося еще до войны. В Ленинграде. Этот журнал у меня в рюкзаке...

Раннее весеннее утро: только-только начинает всходить солнце, зазимонила настистая тундра. Иттек, опершись на посох, следит за стадом маток с оленятами.

Чтобы костерок не угас, я подкладываю в него дровишки и молча наблюдаю за ним. Вот уже скоро как месяц я кочую рядом с ним и его мамушкой Эталпын. Сначала он, как и подобает человеку тундры, долго приглядывался ко мне, испытывал, проверял на выносливость, а потом вдруг:

- Вот тебе ездовой, Коянто! Спокойный, правда, ленивый – не пасется, комбикорм только кушает...

И возил меня «ленивый» следом за упряжкой Иттека, и кочевал я, все не решаясь показать приятелю журнал с заметкой о кулаке Лелькеве.

Сегодня такой случай представился. Запивая горячим чаем шашлык из оленины, я ненароком вынул журнал и прочитал Иттеку

заметку. Он помолчал, потом вдруг громко захохотал, да так, что лайка оленегонная отбежала в сторонку, испугалась.

- Смотри! – он схватил посох и, как указкой по карте, показал на тундру. – Большая?

- И-и! – утвердительно ответил я.

- На ней 1600 оленей – мой табун! Бригадир кто?

- Ты, Иттек Лелькевич...

- Вот именно, Лелькевич. Кто мой первый помощник? Костя – сын мой! – ответил он сам себе. – Кто мои пастухи в бригаде?

- Яйлеткан и Кегеп! – ответил я.

- Пельменники (племянники) мои родные! – Иттек подсел ко мне ближе и тихо сказал: – Еще мамушки есть. Теперь я тебя спрашиваю: «Кто хозяин тундры?».

И не успел я раскрыть рта, как он ответил:

- Я хозяин! Запомни это, Коянто! Мы близко стоим, – он показал посохом в сторону Тигиля, – когда там мясо нужно, много мяса! Далеко стоим – когда нам что-то нужно! Отец ходил по этой тундре, тундре своего отца, я хожу по тундре деда и отца, Костя – внук отца ходит по тундре деда и моей тундре – все мы ходим по тундре Лелькева. Мы были у него пастухами. Это наша тундра! Запомни это, Коянто!

Может быть бы и забыл я этот разговор в тундре Иттека, но в стране ярко вспыхнул очередной «почин» – «Гагановское движение»: передовики производства двинулись в отстающие бригады, звенья по призыву Валентины Гагановой – поднимать их в передовые.

Забросила меня как-то судьба в 8-е звено хайрюзовской тундры. Гость я. Хозяева, как и подобает корякам, наварили мяса, нарезали юколки с жирком. Чаек душистый дымится в кружках... Разговорились.

- А кто у вас бригадир? Где он? – поинтересовался я...

- Вона-ка! Вон «ваш» бригадир! – съязвил молодой парень, поднося блюдце с чаем к губам, причмокивая и кивая в дальний угол юрты, где сидел, укутавшись в старую кабарушку-кагагну (меховую рубашку) человек, в коем я не сразу признал... Иттека.

Под недобрые усмешки Иттек незаметно выполз из юрты, за ним, предчувствуя неладное, вылез и я. Мы быстро оседлали коней и двинулись в сторону табуна...

- Помогите мне, Коянто, вернуться в родной табун, в седанкинскую тундру, тундру моего отца, тут не моя тундра! Помогите!

Ох уж этот «гагановский почин» – и сюда докатился. Иттеку недавно вручили орден Ленина и ретивые партийные работники тут же «откликнулись», дабы поставить галочку...

У меня уже и очерк был готов, но ни в какую газету этот эпизод не принимали. Но однажды судьба свела меня с замечательным журналистом Игорем Григорьевичем Яковлевым, фронтовиком, работающим в «Камчатской правде», который, напутствуя, так сказал:

- Для меня ты потеряешься, Коянто, если не развернешь эту мысль в рассказе, повести, в книге, в конце концов! Действуй!

И я действовал. Еще вспомнилась тогда мне другая картина из моего довоенного детства. Перед самой войной, в Арольмане, наш дом стоял на пригорке, мимо которого проходил «зимник» – нартовая дорога с севера, со стороны Дранки. Как сейчас помню апрельский настистый снег, чистый и длинная-длинная черная лента на белом снегу, живая лента: это врагов народа вели с севера... А враги-то кто? Это были предки наших Титков, Коялхотов, Амрелькотов... Сколько их. На ночлег их загоняли в коровник... А вели их Бирюсты, Ревы, Рекусы... Может быть тогда и Лелькева в Седанке тоже поставили в эту «черную ленту», подумалось мне теперь. Только точно знаю, что потом и Бирюсты, и Рекусы, и Ревы в нее встали – круг не замкнулся...

Тит – Многоженец

Тит Нутанватович Тинетегин вошел в мой «Родной ветер» сначала из легенды, рассказанной мне одним из партийных работников: мол, есть такой именитый оленевод в пенжинской тундре, имеет трех жен. Сам немного слеповат, жен своих пометил бусинками: на ушах у старшей – крупная бусинка, у средней – чуть меньше и крохотная у младшей. Детей у него – куча!

И вот где-то в конце 60-ых годов с группой работников культуры области и киношниками – мы в тундре у Титка – так любовно звали Тита Нутанватовича люди пенжинской тундры.

Сопроводжать нас напросился его старший сын Анатолий – парень крепкого сложения, но уже не в меру подпитый. Это было заметно по тому, как он часто бил себя в грудь и всем представлялся: «Знайте, я сын Титка! Будущий хозяин тундры! Знаток!».

Когда наш вертолет приземлился в бригаде именитого бригадира, летное время было уже на исходе: пастухи расположились на

отдых после дневной корализации, успокоились олени. Но от шума улетающего на заправку вертолета от основного стада откололась небольшая кучка оленей и помчалась в тундру...

- Я! Ий-я! – сейчас! – хорохорился Анатолий, когда отец его попросил завернуть табунчик отколовшихся. – Я-й-я! Мигом все поставлю на место! – произносил какие-то чужие слова Анатолий и, не снимая кухлянки, стремглав помчался за оленями.

- Напрасно! Махнул рукой Тит Нутанватович, – совсем напрасно!

- Это почему напрасно? – поинтересовался Мускатиныйев – большой начальник. Быстро бежит...

- Бич Толька! Слаутнинский бич. Учиться не умеет. Оленей не знает! Напрасно. Бич!

- Слова-то какие знает, – удивился Мускатиныйев.

- Вот проклятый! – Титок сунул мне бинокль в руки, – смотри, как мимил кушает (водку пьет)!

Я четко увидел в бинокль, как Анатолий, лежа на снегу, припав к рукаву кухлянки, хлещет водку, «кушает», как сказал Титок.

- Напрасно! Интернатский бич! – Титок подозвал младшего сынишку и велел ему завернуть оленей...

Мальш свистнул лайке и кинулся наперерез бегущим оленям... Засиял Титок!

Так полагается

В Манилах – ярмарка, Хололо! Сегодня норгали пляшет все село. В сельском клубе после традиционного совещания оленеводов – «огонек»: молодые отплясывают современные модные танцы, а среди них в праздничной кухлянке человек с длинным кончиком волос на макушке, с бубном в руках... Это Василий Ивкававич Иньлхут – бригадир седьмого звена, дедушка Сережи Кевевтегина.

Молодежь уж уморилась, чаем заливается, кое-где крепкое перехватывает, а дед все пляшет.

- Он до утра может плясать! – радуется Сережа за дедушку, – немножечко «намухоморится» – не остановишь!

Внук берет бубен – и на пару с дедом – красиво: и стар, и млад.

- А ведь завтра гонки, Сережа?! Дедушка твой бегун на оленях, – удивляюсь я.

- Не волнуйся, Коянто, мы никогда не подведем! – Кевевтегин вводит в круг танцующих мамушек и кричит: «Это мои бабушки!».

Раннее морозное утро. Многолюдно на «красной», главной площади села. Сегодня на гонках главный приз – важенка! Это богатство!

Почему раньше зажиточные не очень-то охотно дарили даже родственникам важенку – «Богаче не стал бы!».

Недалеко от площади – аэродром. Из Хаилино ждут Ивана Коммо – прилетает в гости к другу Инылхуту. Значит и подарок ему нужен настоящий – победа на гонках.

Приземляется «аннушка», выходит Коммо, а навстречу ему ведет двух ездовых и приз – важенку Инылхут и при всей многосотенной толпе два великих старца поят мочей олешек. ТАК ПОЛАГАЕТСЯ!

Вечером с секретарем партийной организации совхоза Кретиным мы в гостях у деда, в тундре: празднуем его победу, ведем деловой разговор. Незаметно ко мне подсаживается пастух и шепчет:

- Старик недавно, до вашего приезда, при всех своих сыновьях Икавава чаутом отлупил. Пусть начальник Критина его поругает.

Не ускользнул от слуха парторга наш разговор и он тут же разразился большой нотацией «о моральном кодексе человека коммунистического общества»...

Вроде внимательно слушал, слушал его старик, а потом стгоряча сплюнул на землю лемешинку:

- А почему ты, начальник, не спросил, почему я отлупил Икавава, хотя он мой племянник, да еще и опытный пастух?

- Да?! А за что?

- Ночью волки лучшую важенку задрали! Я проглядел!.. – ответил Икавав.

- Вот и получил по заслугам! – Инылхут полез за ялупом, – перед всеми сыновьями получил! Я им так сказал: так будет с каждым, кто лентяйничать будет! Пусть все знают!

Тот урок, который преподнес своим родственникам дед Инылхут, я вспомнил совсем не случайно.

На одной из встреч губернатора Корякского автономного округа Владимира Александровича Логинова с местной интеллигенцией пенжинские посланцы прямо захлеб рассказывали, вернее, «заливали»: «Волки-то, совсем, Владимир Александрович, наглые стали: смотрят на них пастухи даже днем в бинокль, а они вокруг сидят, скалятся, облизываются и ждут ночи. Ну, прямо спасу от них нету».

Сказка, да и только! Да, волк злой и коварный, хитрый и умный: долго, терпеливо следит он... нет, не за оленями (зачем ему за

оленьями следить, они и так его будут). Следит он за оленеводами. Вот и съели волки только за прошлый год более 7 тысяч оленей. Умные твари, знают, за кем следить и когда есть...

Вот только жаль, что дедушки Инылхуты – настоящие хозяева корякской тундры – давно откочевали в «верхнюю тундру», нет на лентяев крепкого чаута, потому и стали волки – пастухами, а пастухи – оленедами.

«Рога и копыта»

Перестроечный период в оленеводстве сразу же начался с передела собственности, а если честно – с наглого и грязного воровства.

Не знаю, как у кого, а у меня все еще «в печенках» слова, пришедшие из центра, Москвы, значит, – «Рантарин», «Меха» – это фирмы из серии «Рога и копыта» (если вспомнить Ильфа и Петрова), которые решили взять от оленя все: и панты, и внутренние органы – поджелудочные железы, надпочечники, сыворотку крови, даже... пенисы.

До сих пор «от топота копыт» Скакуна Михаила Васильевича (был такой деятель в области) «пыль по полю летит»: «проскакал» по корякской тундре, «неся знамя» Агрокомбината, – какая выгода мерещилась ему, – только ему одному, вероятно, ведомо. Ну а раз выгода, там коренному люду – оленеводам – кукиш с маслом: чего с ними говорить? Об этом мы еще расскажем, а тогда, в Чайбухе, на магаданской земле, замаячили драмовские колбаски в красивой упаковке, замигал «Магал», слюни распустили наши директора совхозов – вкусно ведь. Ожили, засуетились, по заграницам зачастили в погоне за дешевыми «видиками» и прочей мурой. Колбаски, видики – это только цветочки. Золотые горы сулили панты, но опять же не оленеводам – каждый директор в своей вотчине вдруг захотел Драмом стать: заводики колбасные иметь. И засооружали, было, бросили пыль в глаза. Благо, олени еще не перевелись, да ходящие за ними люди еще не разучились верить. Это потом, когда будут приватизировать оленей, им снова кукиш покажут: оленеводами станут конторские бабы, которые во сне-то живых оленей не видели...

Из дневника тех лет:

«Сильный ветер срывает палатки. Вертолет совершает вынужденную посадку из-за солнечного затмения. Мы в бригаде Михаила

Кирилловича Этыльяна из совхоза им. 50-летия СССР. Протяжно воют собаки, зябко...

Глядя на заграничную куртку директора Николая Епрынцева, Михаил шутит: «Дай, директор, на время поносить твою, а ты пока в моей дырявой, брезентовой пощеголай. Может, я сегодня к французенке сбегаяю... Красивая».

- Куртка красивая или французенка? – смеется Николай Иванович Лошаков – мой помощник.

- И эта красивая, и та красивая! – Михаил не унимается, все директора донимает: «Вот ты недавно в Америке был, нам бы тоже привез, да «бураны» еще.»

Коля Епрынцев простой мужик, что ему куртка, он ее тут же набросил на плечи Михаилу. Поняли друг друга, посмеялись и как ни в чем не бывало переключились на французенку.

Бригадир не сочинял: шастали тогда по хребтам иностранцы: японцы, французы, баранов били, медведей считали и за это платили зелененькие... только кому?

Работая над главой дневника «Олени бежали к морю», я сделал такую запись: «У моря встретился с бригадой Олелея Николая Васильевича. Пока мы ходили вокруг стада, от нас не отставал огромный хор-самец. Я все время пытался посчитать отростки на его рогах-пантах. Олень не давался, крутил головой, даже пытался поддеть рогами.

- Хвастун этот олень! – смеялся Олелей, кто чужой придет, всем свои рога показывает – позирует. У других таких нету.

В бригаде Олелея мамушка, два старших сына с женами, недавно младшие приезжали, погостили, отдохнули и вернулись опять в село. Не понравилась им тундра.

- Наверное, не хотят быть оленеводами! – сетует Олелей, – а со старшими еще покочую годик-два и уйду на пенсию, – с грустью поведал он...

* * *

С американцем Драмом приключилась драма: исчез, как дым, южнокорейский предприниматель Тай Ким, разбежались многие директора совхозов, говорят, вовремя. Только фирмы «Рога и копыта» уж больно живучи: ведь в тундре еще не все разбазарено и пропито, проедено и продано, поживиться можно. О них чуть-чуть позже, а пока...

Песня Матери

Каждый раз, когда мне приходится возвращаться из дальних странствий небесной тропой и когда только-только самолет или вертолет пересекает границу области и округа, я ловлю себя на мысли, что вот сейчас я услышу песни матери, песни матери рек, песни матери гор, песни матери Сына...

О! Земля, молю я, – обнажи свою грудь! Очень хочется мне в грудь твою заглянуть. И земля, действительно, обнажает грудь: в иллюминатор я вижу сопку-красавицу Эльвель и две реки, обнимающие ее – Каврал и Плахэн. И вдруг теперь уже в мою грудь из тридцатилетней давности врывается песня Татьяны Евстроповны Гуторовой из сюиты «Эльвель» о гордой и непокорной Лаччах, о добром Ухте, красавице Эльвель и злом Кэне.

Впервые я услышал эту песню матери на сцене окружного Дома культуры в честь 40-летия Корякского автономного округа.

Помню, как неожиданно нагрянул в Палану Гоша, собрал музыкантов: гитаристов, балалаечников, играющих на домбре и зазвучала сюита, усиливая голос матери – Татьяны Евстроповны.

Злой Кан напал на племя Лаччах... Я помню, как на сцене, в кровавой схватке двух племен звучала песня матери, как среди убитых родственников и врагов Лаччах ползала маленькая Эльвель. Эту роль исполнял десятилетний Олег Слободчиков. Аккорды поротовской сюиты, плач матери и Эльвель, маленькая Эльвель...

Вздрагивает птица, несущая меня, кажется, что она замедляет полет, и я не в самолете – несет меня Орел. И через леденящую голубизну под звуки песни матери я листаю книгу Корякии.

Поет мама. Чья она? Ительменская или корякская, русская или чукотская – она Мама на все времена – наша Земля. Только теперь поет она о нас с вами, о нашем непростом времени.

Мама – это очаг наш, свет наш, наша путевая Звезда. Ее песня – это предупреждение, песня-наказ: «Берегите жизнь! Читите дружбу! Защищайте землю, которая вас вскормила».

Выше я рассказывал о Тите Нутанватовиче Тинетегине, именином Титке. Перед уходом к «верхним людям» слепой, старый, он пришел к молодому директору Владимиру Николаевичу Мизинину и попросил его помочь поставить последнюю палатку на родном Пал-Польском доле, рядом с горой Лолотынуп – Материнской грудью.

В честь кого была названа эта гора – прабабушки, бабушки или мамы Тита Нутанватовича – неважно. Главное, Дух Тинетегиных, их

необыкновенное стремление к жизни – не умирал, он был вечен: жил в горах, холмах, реках, озерах, он брал силу из материнской груди – Земли.

Помним ли мы об этом? Давайте порассуждаем вместе.

* * *

Перебирая пожелтевшие от времени страницы дорожных заметок, дневников, записных книжек, обнаружил такую краткую запись от 29 июня 1982 года:

«В конторе оленесовхоза «Пенжинский» главный зоотехник Тарас Рольтыгиргинович Тынагиргин с большим знанием дела рассказывает о том, как важен в жизни оленеводства так называемый «пенжинский эксперимент» (был и такой почин в оленеводстве округа).

Ловко орудуя электронно-счетной машинкой, он говорил: «Теория проверяется практикой: передовой ордена Трудового Красного знамени совхоз добился самых высоких показателей по продаже оленины государству в первом году одиннадцатой пятилетки. Тут и небывалый высокий процент маточного поголовья, и низкая себестоимость одного центнера мяса, и 35 центнеров оленины на 100 январских важенок...».

И только потом, годами позже, Тарас, сын Рольтыгиргина с горечью поймет, к чему привел этот «пенжинский эксперимент».

Я точно знаю, что до конца дней своих его мучила совесть. Он был истинным человеком тундры. Но...

Где те экспериментаторы, которые на большой земле научились только «коровам хвосты крутить», но почему-то решившие, что в оленном краю лучше строить корали для гусей домашних и кормить оленей, предварительно загнав их в стойла, комбикормом. Их и след давно простыл: за Драмом удрапали... А именитый на весь округ, на весь Союз оленесовхоз долго «приходил в чувство» после их экспериментов...

- Вы нас «яковенковским» мясом не кормите! Пусть он сам его ест!» – это тоже страница из пожелтевших от времени дневников и записана она со слов Александра Григорьевича Сычченко, тогдашнего «папы» округа.

Да и сам экспериментатор не едал свое. Помню, как, возвращаясь из многомесячного отпуска в родное село, он тут же послал гонца в Аянку, в соседний совхоз, к Челмакину, дабы «одолжить» у него пару-другую тушек оленины. В Аянке она славилась и вкусом и запахом – лесной олень.

Разговорились мы как-то на эту тему с Семеном Григорьевичем Делянским – Героем труда и вот что он тогда сказал: «Мы – оленные люди и никто кроме нас не станет пасти оленей в нашей тундре, мы очень хорошо знаем, что надо оленю от человека и человеку от оленя... Чтобы получать вкусное мясо, добротную одежду, дешевый транспорт, надо просто хорошо работать. А это значит – хорошо жить! Чувствовать себя хозяином тундры».

Нет на нашей земле уже ни Семена Григорьевича, ни Тараса Рольтыгиргиновича, но совсем недавно, как-то втихую, чего никогда не было в Корякии, на Севере Дальнем, в Хаилино, провели окружное совещание оленеводов.

Одним из первых на нем выступил Валерий Тарасович Тынагиргин – директор совхоза «Пенжинский», сын Тараса Рольтыгиргиновича. Вот его слова:

«За год совхоз допустил большие потери, – докладывал Валерий, – потеряли 2244 головы. Главная причина, считаю, – это волки. Пять лет назад упустили ситуацию, теперь она «вылезает боком»... Нет техники, солярки. За пять тонн солярки мы сдаем одну тонну лосятины, чтобы съездить в Корф за продуктами. Нет медикаментов, чтобы лечить «копытку» у оленей. Приезжали приставы судебные, описали последние баржу, мясо. Это только по одному долгу. А долгов – пять! Специалисты уходят. С оленеводов спрос маленький: твердишь ему о работе, а он: «Где мои деньги?»

Как падало оленепоголовье за последние 10 лет в этом отдаленном совхозе: 1990 год – 19 тысяч оленей, через пять лет – 10 тысяч оленей, еще через пять лет – 5 тысяч оленей.

И вот только за прошлый год потери составили 2400 голов. Комментарии излишни, дальше идти некуда...

Молодой директор Валерий Тарасович принял совхоз недавно, как раз в стадии его тяжелейшего распада.

Как разваливается оленеводство в округе – совхоз «Пенжинский» – яркая картина этого. Вот цифры, приводимые на совещании на Севере Дальнем: «До 1990 года в округе было еще 150,3 тысяч оленей. Шли реформы, создавались федеральные и местные законы, фонды – об оленеводстве, 2000 год был даже объявлен Годом оленеводов...»

Законов много, фондов много, людей, жирующих у этих законов и фондов тоже много, только оленей становится все меньше и меньше. Теперь их во всем округе где-то около 28 тысяч. Даже в тяжелейших 30-ых годах было 34 тысячи.

Выше я пытался рассказать о причинах, приведших к гибели важной отрасли округа – оленеводства, без которой и не жить на этой земле человеку тундры. Это эксперименты с Иттеком, уроки Иньлхута, дороги Тита Нутанватовича, сетования Олелея... и многое, многое другое. Неблагодарное дело – винить теперь кого-то: была другая система, другая страна, другая, в конце концов, идеология. Финал известен – РАЗВАЛ!

Но при знакомстве с материалами последнего совещания, меня что-то порадовало, что-то в большой степени огорчило, но порадовало то, что основная масса руководящих работников в оленеводческой отрасли, наконец-то, – это дети и внуки Титков и Иттеков: Тнагиргин – главный зоотехник совхоза «Полярная звезда», Тынагиргин Валерий – директор совхоза «Пенжинский», Итекьев Иван – главный зоотехник совхоза «Таловский», Тынентекьев Николай – главный зоотехник совхоза «Манильский», Ивтагин Сергей – директор совхоза им. 50-летия СССР, Оккирго Юрий – главный зоотехник этого совхоза, Акеева Светлана – директор совхоза «Тигильский».

Когда это было так, чтобы директорами совхозов, главными зоотехниками были кадры из местной коренной национальности? Что-то не припомнится за все 70 лет Советской власти.

Вот эксперименты над людьми, не только над оленями, по типу: «Хватит нам мужские кадры типа Ивигиных, Шмагиных, Елтыгиных, – накадрились, пора над женской половиной надо подумать...». И думали, выращивали Унн-героинь из романа Рытхэу...

А что же еще порадовало? Ну вот хотя бы это: «Благодаря увеличению финансирования сельхозпредприятий из окружного и федерального бюджетов за 2000 год в оленеводстве намечились положительные моменты». Заметьте – положительные!

А именно: «Снизился темп сокращения поголовья и составил 18%, а в прошлом году был 31%; произошло увеличение маточного поголовья с 53 до 56%; увеличился деловой выход телят с 48 до 59%...» и т. д.

Приятно, что мы снова учимся говорить на языке оленных специалистов. И даже отмечаем передовиков. Пусть для начала их мало, да и успехи не такие уж яркие, но это уже шаг вперед, как принято теперь у нас говорить: «Это уже свет в конце тоннеля».

Вот только один пример: год-два тому назад поругивали Ивтагина Сергея Владимировича – одного из первых директоров-земляков. Однако, за 2000 год его совхоз хорошо сохранил оленей,

увеличил поголовье аж... на 224 головы. Пусть эти 5% прироста увеличиваются с каждым годом! Меня радует другое – признание Сергея Владимировича, как они добились первых, хотя и не очень «великих» успехов. Оказывается, просто. «Собрали коллектив и сказали: хотите жить лучше, не вымирать вместе с оленями, давайте работать так, как работали наши деды и отцы. Со стороны нам благо не придет, хватит быть «петрушками у кукловодов.»

Вот вам и первые шаги, пусть пока робкие, только бы встать на ноги... – и встали.

Выше я с удовольствием посмеялся над волками и оленедами и сказками, рассказанными губернатору посланцами из пенжинской тундры. Этот пример – дополнение к тому разговору.

По штатному расписанию в совхозе «Пенжинский» числится 47 оленеводов, это по 12 человек на бригаду. Еще возьмем служащих в совхозе – 16, это еще по 4 человека на бригаду...

Если бы эти 16 человек работали по-иньлхутовски, или хотя бы по-ивтагински, то к ним бы в стадо не только волк не заглянул, а даже самый заядлый бандит с бронированным «бураном» и современным карабином...

Упомянул в своем выступлении Валерий Тарасович и судебных приставов. Разве пойдешь против закона – отбирают баржу, лодку, трактор, последнее мясо... Теперь уже тихим сапом подбираются к другим совхозам: «описали» «Корфский», подбираются к «Таловскому».

Но посудите сами: наши местные власти создали законы об оленеводстве, о Фонде, объявили 2000 год Годом оленевода. Заработал Фонд – за прошлый год выделил 6 млн. 926 тыс. рублей. Тут и зарплата, тут и покупка техники... Фонд помощь оказывает, а судебный пристав отбирает эту помощь. Купили для совхоза «Тигильский» новые «бураны» за счет Фонда, а судебные приставы отобрали эти «бураны»... Ну как в русской пословице: «Один нищий повесил портянки сушить, другой нищий портянки украл». Не парадокс ли это? В каком правовом государстве мы живем?

Немного о Годе оленеводов. Закончить его хотели «высоким» совещанием, советом – соберемся, мол, молодые и старики, обсудим, как жить дальше.

Последнее большое собрание оленных людей было лет восемь назад. У меня сохранились списки тогдашних участников, читаю их и радуюсь: сколько друзей, знакомых, именитых и славных – только с

Пенжинского района более 30 человек, да и имена-то какие: Тынанто Саша, Еттык Анатолий, Этувагаль Саша, Каляан Егор, известный на всю округу Николай Иванович Тынетегин, Нейкевев Леонид; а за ними олюторцы – Каккоко Александр, Эвнито Володя, Амрелькот Сергей, Ивтагин Сергей; карагинцы Ятты Олег, Кечгинтакрав, Нестеровы и Колеговы; тигильчане – Акеевы и Иныловы, Авиновы и Вачагины... Сколько их! Иных уж нет. Но тогда это была представительная делегация, словно предчувствие было какое-то, что это последнее такое представление, а впереди гроза. Отблески ее начинались там, в центре...

И вот теперешняя, небольшая кучка, тихо, смиренно – шесть-семь выступающих, и песня одна и та же – нет техники, нет специалистов, нет «горючки», нет продуктов питания, нет денег, волки со всех сторон настоящие и двуногие и вообще – **НЕТ ОЛЕНЕЙ!** И выдали, наконец, постановление, первый пункт которого привожу дословно:

«1. Поддержать предложение Администрации Корякского автономного округа о реорганизации совхозов округа и создании ГУП (государственных унитарных предприятий) Корякского агропромышленного союза оленеводческо-промышленных предприятий округа...».

«Важный» пункт! Только почему-то никто о нем не промолвил и слова. А ответ довольно-таки прост: идет очередной эксперимент над тундровыми людьми Корякии. Сколько их уже было – не счесть, вот только памятные – «скакуновские «Рога и копыта», «левчуковские сервисы»... И вот теперь... Создание, если можно так выразиться, единого «корякского совхоза». С руководством, службой и местом определились. Только чем эта служба будет заниматься и занимается ли чем? Опять вопрос – он уже был задан Администрации округа на очередном совещании директоров совхозов в начале 2002 года.

Пока же тянет лямку Управление сельского хозяйства и продовольствия округа, в этом году впервые были осуществлены балансовые проверки в некоторых хозяйствах. Как там были рады этому событию: значит, помнят о нас, значит, нужны мы!

- Не изобретайте велосипед! – так и хочется крикнуть зачинщикам нового эксперимента, дайте работать Управлению сельского хозяйства и продовольствия, усильте его кадрами, найдите ему достойное место для существования, вытащите оттуда...

Помню, как терзался Тарас Тынагиргин после «пенжинского эксперимента», так и ушел к «верхним людям», не простив самого себя... Кто получил выгоду от так называемого «манильского сервиса» – ищи-свищи! В тундре от него одни ветры гуляют...

Кому нужны последние крохи коряжских оленей – это решать вам, молодые, пусть еще неопытные, но дорожащие честью дедов и отцов, руководители: Валерий и Александр Тнагиргины, Иван Итекьев, Николай Тынентекьев, Сергей Ивтагин и пока единственная женщина-директор Светлана Акеева. Приглядитесь к своим землякам, они рядом, они помогут. Но никогда не забывайте и тех, кто жил и работал вместе с вашими дедами и отцами: Александра Дмитриевича Давыдова, Арнольда Георгиевича Глебова, Павла Дмитриевича Гридина и Геннадия Георгиевича Челмакина, Виктора Федоровича Салтыкова и Виктора Ивановича Тена – это светлая страница в истории Корякии.

Подумайте, нужны ли вам новые фирмы типа «Рога и копыта», создающиеся людьми, далекими от жизни тундры? Бойтесь остаться с «рожками да ножками»!

* * *

- Хать! Хать! Хать! – окрик пастуха. Земля моя! Тундра моя. В Каевель – месяц молочных важенок она только-только оживает от зимней стужи, медленно просыпается. Мы с другом Юльты идем следом за стадом. Пушистый кружевной ковер ягеля стелится под нашими ногами, не ломаясь, но сама тундра еще не пружинит – под мохом лед. Она, как шкура бело-пестрого оленя, расстилается перед нами. Медленно движется стадо оленей, состоящее из сотни важенок и их телят.

Майское солнце греет эту красоту, красоту зарождения мощи оленного стада, зарождения жизни.

Сколько веков прошло, сколько поколений сменилось, но песня пастуха не умолкает, она корнями от этой земли, в этом ее сила:

Хать-хать! Хать-хать!
Э-гей! Эгей!

Эти строки из седанкинского дневника сорокалетней давности я взял не случайно. Юльты из стихотворения «Пастух» – мой литературный герой. Имя ему я не придумывал.

В начале 60-ых – паланцы-старожилы, вероятно, помнят – в Доме культуры, в Красной яранге, служил каюром Юльты Гамекович – красивый, высокий, очень смелый охотник и заядлый рыбак. Там, где он когда-то рыбачил, есть небольшая речушка, которая теперь так и называется – Юльтовская.

И вот однажды, когда я вернулся после длительной командировки из Седанки, и впервые напечатал новый цикл стихов в газете «Корякский коммунист» про друга-пастуха Юльты, на рыбалке мне крепко досталось от паланского друга Юльты Гамековича. После удачной рыбалки, вернее, замета и крепкой чаевки, Гамекович достал откуда-то газету с моими стихами, скомкал у меня на глазах и сунул в нос:

- Нехороший ты человек, Коянто! Совсем нехороший! Почему неправду написал обо мне?

- Не понял, Гамекович, не понял!

- Сейчас поймешь! – он схватил батовый шест и ну гонять меня вокруг палатки, – разнес, как весенняя куропатка по всей тундре! Все будут смеяться надо мной! Какой я пастух? Был я когда-то оленеводом, даже оленей гнал из пенжинской тундры для Паланы. Теперь бич, пьяница. Как теперь буду смотреть в глаза оленеводам, засмеют. Все ведь знают меня!

- Я ведь взял только имя твое, Юльты! Ты ведь мой каюр, друг мой, твое имя я дал моему литературному герою! – оправдывался я.

- Какой еще герой?! Перестань болтать! О-о-о! – рыдая, он повалился на землю.

Олень! Оленняя тундра! Люди оленного края! О них слагали легенды и сказки, передавали их внукам и правнукам. Разве мог он, Юльты, сын Гамека, теперь почерневший не от весеннего солнца, а от водки и спирта, позорить эту вековую традицию? Конечно же, нет.

И вот, как бы в продолжение дневника давнишнего, после радиопередачи моего очередного цикла из «Лесновского Ололо», мне стали звонить, писать письма. Потому заключительную передачу я начну с писем. Они ближе к юльтовской теме.

Ни в газеты, ни в журналы я свой очерк не предлагал и только по одной причине, что каждая газета, да и журналы тоже – это вотчина одной или другой партии, разных, там, ООО или ОАО, и каждая норовит «натянуть одеяло на себя», ей нет никакого дела до твоих чувств и желаний. Радиоредакция, наша, окружная, всегда рада моим очеркам, и я благодарен ей.

Начнем с этого письма:

«Уважаемый Владимир Владимирович!

Пишет вам служащая Лидия Алексеевна Петравец из п. Палана. Сегодня, 26 апреля, прослушала Вашу передачу про оленеводов. Стало больно и очень обидно. Получается все, как в жизни: оленеводство

– это прекрасное, счастливое детство. Затем наступило настоящее (отсутствие зарплаты, нищенское существование, безработица) и еще – неопределенное БУДУЩЕЕ!

До 1974 года я жила в с. Таловка Пенжинского района. Это было счастливое детство. Пусть хоть что говорят про те времена. Это было прекрасное время не только для меня, но и для сотен моих сверстников. Вот тогда, в 70-е годы, слово ОЛЕНЕВОД звучало очень гордо. Это был не слесарь, не рабочий (я не умаляю эти профессии), это был ОЛЕНЕВОД! Человек, знающий свое дело, знающий и любящий оленя. Сейчас, наверно, уже никто не может развести костер так, как его разводит оленевод – с нежностью и любовью, священнодействуя над ним.

Это был человек, мужественно преодолевающий все невзгоды на маршрутах своего пути: пусть это природные катаклизмы, медведи или волки.

В те годы, когда власть имущим нужно было мясо, для оленевода делали все. Быть оленеводом было почетно!

Я хорошо помню, как в детстве провожали мужчин на летовку, устраивали целые праздники: отцы и старшие братья гарцевали перед нами на красивых лошадях, с ружьями, гордые, что они уходят в поход, что впереди их ждут прекрасные дали и опасности, которые они, конечно же, преодолеют. В поселке оставались женщины, дети и немощные старики.

А праздники оленеводов! Это были настоящие праздники со всеми обрядами, когда наши отцы возвращались с победой. И немножко грустно, когда у них что-то не получалось. Тогда умудренные опытом старики, собрав всех молодых на советы-совещания, до хрипоты спорили, учили. Почти все село принимало в этом участие. Иногда и нам, подросткам, позволяли присутствовать. Это было ведь наше общее дело.

Сейчас, когда всех оленей практически съели (у власть имущих появились другие игрушки – рыба, которую доедаем, но есть еще золото, нефть и платина. Это не для нас), – про оленеводов забыли. Забыли даже отдать им те деньги, которые они заработали...

Например, мой одноклассник Дьяконов Сергей Дмитриевич, 1956 года рождения. Родился и вырос в Таловке, учился в СПТУ, после окончания училища работал в «Таловском» оленесовхозе. Сейчас он безработный. Не нажил даже своего угла. Заработанные деньги ему до сих пор не отдали. После роковой встречи с медведем его постоянно тревожат головные боли. Вы бы видели его глаза,

когда он выходит в тундру: счастливые глаза настоящего мужчины. Походка преобразается, из медленной становится стремительной. Движения рук, туловища разительно меняются. С удивлением смотришь на человека, который минуту назад в поселке был стариком с шаркающей походкой, согбенной спиной, а в тундре оказывается еще молодой парень. Ему душно жить в четырех стенах, ему не хватает воздуха в поселке. У него постоянно болит голова, не только от схватки с медведем, где он вышел победителем, а больше от того, что не может он заниматься любимым делом. Сережа Дьяконов – это – настоящее оленеводов. А что же их ждет в будущем?».

Дальше Лидия Алексеевна пишет:

«Я не специалист и не знаю, как помочь, но так продолжаться больше не может. Многих уже нет – умерли мои родители, одноклассник Гриша Кайнын тоже умер. После встречи с медведями нет в живых Сергея Киява, Явмека... Мучаются, болеют после встречи с медведями Омьяви Петя, Володя Тынетегин.

До сих пор еще работают, но вместе с тем влачат нищенское существование династии Кававыгиных, Киявов, Эйпиных, друзья ранее знаменитых на всю Камчатку Коли Анале и Лени Акена...

Семидесятые годы – это мое счастливое детство, это мое прошлое и настоящее тех, кого уже нет с нами. Слава Богу, что они никогда не увидят его».

Слава Богу! – повторяю я за Вами, уважаемая Лидия Алексеевна. Как видите, Ваше письмо – это наши с Вами мысли, это наша с Вами БОЛЬ!

После каждой передачи из цикла «Лесновское Ололо» долго не умолкает трубка моего домашнего телефона. Разные звонки бывают. Но вот после той передачи, о которой Вы упоминаете в письме, меня поразил разговор с известным человеком в нашем округе, профессиональным фотокорреспондентом Александром Ключниковым. По нынешним меркам он из другой, правда, дружественной страны СНГ. Но за свою долгую творческую жизнь в Корякии знал почти каждого из названных нами именитых и простых оленеводов, тружеников оленного края. Он мерил с ними тундру, обжигался и согревался чаем у костра, запечатлял навека их жизнь-подвиг, он тоже писал историю Корякии. Делясь со мною по телефону, он плакал навзрыд о бедах в оленном хозяйстве.

Звонков много и упреков много. Ну что стоит такая: «Ну что, Коянто, пропили мы, значит, оленей, прожрали. А ты где был?».

Еще часто звонят и спрашивают: «начал за здоровье, а кончил за упокой». Почему? Почему увел слушателей, читателей в далекую, такую близкую и такую беззащитную теперь ТУНДРУ?

Чтобы поставить, как говорят, все точки над «и», давайте вспомним, о чем я говорил в начале очерка, передачи...

Рассказ про оленей я начал именно с праздника «Ололо», помните, на научно-практической конференции, в Лесной, к ее участникам, ко мне лично обратился бывший оленевод Корякии Михаил Григорьевич Яганов. Вот что он сказал тогда:

«Помогите вернуть нам оленей, нас немного осталось, но мы еще хотим пожить, поработать, детям и внукам оставить наше, отцами завещанное!».

Вернулся я из Лесной, поговорил с Валентиной Тадеевной Броневиц – тогдашним губернатором, посоветовался со многими работниками сельхозуправления, отдельными специалистами. С Валентиной Тадеевной наметили даже планы кое-какие, но тут... Был октябрь на пороге, приближался жарко-холодный декабрь – выборы губернатора, с другой стороны скептики-знатоки: – Когда, Коянто, в Лесной были олени и оленеводы?! О чем разговор?

Ну со скептиками проще – историю изучать надо, край свой знать надо. О выборах чуточку позже, а в историю заглянем.

Вот хотя бы такой пример (из записок отряда Г. Чубарова, от 21 и 23 февраля 1923 года): «Селение Лесная имеет 32 дома, 13 амбаров, 4 бани, 27 хлебов. Численность населения: взрослых мужчин – 54, женщин – 54, детей мужского пола – 51, женского – 56.

Селение имеет лошадей – 25, конских седел – 30, собак – 250, нарт – 30, байдарок – 5 больших, батов – 25, лыж – 40, коров – 40».

Заметьте: «Рядом с Лесной, в селении Кинкиль, кочуют кочевники-коряки 21 человек, имеющие 2000 голов оленей и одну нарту собак, а с ними дружно, недалеко – 20 эвенов с 200 оленями и нартой собак – охотники-олeneводы.

А совсем рядом с Лесной – кочевники-олeneводы – 65 человек, имеющие 3000 голов оленей, 40 собак, 10 лошадей...».

То кочевали рядом с Лесной потомки великого Камака, владения которого простирались от реки Камчатки до Шаманки...

Это их зов мы слышали тогда в Лесной из уст Михаила Григорьевича, Зов предков: «Верните нам нашеньское!».

Оленеводы всегда были кочевниками. Приучая их к оседлости, мы, сами того не замечая, делали, вернее, оказывали им «медвежью услугу».

Помню, как, где-то в 1986 году, к нам в Корякию приезжала группа ученых из Якутии изучать наш опыт оседлости местного коренного населения. И тогда же якуты предложили: «Не загнать ли всех оленей в единый кораль? Ведь сразу трех зайцев убить можно: волк не страшен, олень цел, а главное – «план по оседлости местного кочующего коренного населения перевыполним! Это ведь новый передовой почин из лучшего в Союзе оленного края».

Правда, не перевелись еще в ту пору в округе люди с трезвыми головами – не дали разрастись этому туманному почину – уехали ученые мужи «не солоно хлебавши».

Новые времена пришли, и как теперь говорят в народе, самому отпетому дураку только непонятно, что и в округе идет передел собственности, и его уже никак не остановишь: было «наше», стало «мое», и что в этом переделе «кучка оленных людей» с ее небольшим стадом ничего не значит – нет оленей – нет людей, целого народа нет – и нет проблем. Иные ценности в жизни, иные взгляды.

В письмах, телефонных звонках, при встречах люди задают один и тот же вопрос: «Как помочь оленеводам?!».

В своем большом очерке я пытался только раскрыть причины развала большого оленного хозяйства – ОЛЕНЕВОДСТВА у нас в округе. Мы 70 лет изо дня в день шли к этому. Был расцвет, теперь его нет. Возможен ли новый взлет? Нет и еще раз нет.

О! Ветер мертвых –
 Посланец духов!
 Зачем ты пришел,
 Ненасытное брюхо?
 Ударил зачем
 По яранге Итынно?!

О каком ветре поешь ты теперь, корякский бубен?

Идет «Ололо» в Лесной. Хозяева праздника Михаил Иннокентьевич Белоусов и Спиридон Наянов бросают в костер божков удачи и просят их, чтобы они на следующий год снова принесли в их жилища много мяса и жира, чтобы стол ломился от угощения и радовались гости – земляки, горожане и москвичи, иностранные друзья – ведь все дала родная земля: рядом речка, близко море, не ленись, только, все делай сам.

Два корякских старца устали верить вранью расплодившихся «маленьких, никчемных божков», которые перед каждым выборами обещают безбедную жизнь, хорошее здоровье и «ОЛЕНЯ С ЗОЛОТЫМИ РОГАМИ».

Бросил в костер свой талисман и старый оленевод Михаил Григорьевич Яганов, он верит, что когда-нибудь внук или правнук именитого и богатого оленевода Ивтагина – генерального директора оленного хозяйства подарит его внуку или правнуку его ВАЖЕНКУ.

А важенка – это жизнь! И все начнется сначала!

В. Коянто
фото П. Крюкова